

вой источников, совершенно необходимы для интеграции разнотипных и разновременных произведений фольклора в единый свод. Широко и творчески используя эти приемы, она создала фундаментальную источниковую основу для разработки этногенетических проблем. Приаралья эпохи древности.

Фольклор Южного Приаралья исследуется Л. С. Толстой на фоне истории Арало-Каспийского региона с характеристикой этнокультурных процессов там с неолита до раннего средневековья. При этом обстоятельно использована новейшая литература: во многих случаях автором дана оригинальная трактовка этноисторических проблем с привлечением археологических и антропологических материалов (глава вторая). Такой подход позволил Л. С. Толстой вполне доказательно объяснить близость и сходство анализируемых ею фольклорных сюжетов разного происхождения и разных народов как результат конвергенции, взаимовлияния или общности этногенетических истоков.

В целом теоретические и методические положения монографии дали возможность Л. С. Толстой существенно расширить хронологический диапазон этнокультурных процессов, исследуемых ею на основе данных исторического фольклора (до I тыс. до н. э.), а также повысить доказательность полученных выводов. В отличие от некоторых ранних публикаций Л. С. Толстой в монографии вполне убедительно доказаны положения о юго-западных (переднеазиатских) связях Южного Приаралья, о миграции сюда каких-то групп восточноиранского и, частично, западноиранского происхождения, о мыйтенах как реликтовой в субстратной основе группе переднеазиатского происхождения и т. д. (глава четвертая). С особым интересом воспринимается анализ фольклорных сюжетов, восходящих к скифо-массагетско-сармато-аланскому миру, и параллелей этим сюжетам в историческом фольклоре Южного Приаралья и Северного Кавказа (глава пятая).

В монографии специально не исследуются, но приведены материалы и интересные авторские интерпретации позднесредневековых произведений фольклора региона, в которых проявляются субстратные (индоевропейские) и суперстратные (тюркские) слои (с. 216 и др.).

Л. С. Толстова в подтверждении своим выводам приводит и этнографический материал, причем используемые ею сравнения и заключения могут пролить свет на происхождение некоторых распространенных среди тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы типов одежды или украшений (например, старинных головных уборов, украшенных кораллами и бисером под влиянием иранского юга).

В монографии, как и в любой подлинно творческой работе, немало и дискуссионного. Так, сложную проблему территории формирования индоевропейской и индоиранской общностей, очевидно, нельзя полностью решить на материалах исторического фольклора, хотя, конечно, высказанные автором соображения в связи с гипотезой Г. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, безусловно, привлекают внимание. Было бы желательно представить более отчетливо географически и хронологически распад Арало-Каспийского историко-культурного региона и образование на этой территории новых историко-культурных общностей. Это чрезвычайно важно для выяснения целого ряда этногенетических сюжетов в рассматриваемом регионе в эпоху средневековья. Не совсем точны и убедительны некоторые этнонимические сопоставления, например, в главе пятой.

В целом, однако, не дискуссионные вопросы и незначительные погрешности определяют оценку монографии. Книга Л. С. Толстой, доказывающая большую ценность и самостоятельность исторического фольклора как источника при этногенетических исследованиях, по-новому исследующая целый ряд проблем этнической истории народов Средней Азии в древности и раннем средневековье, демонстрирующая новые методические подходы к использованию материалов по историческому фольклору, является весомым вкладом в советскую этнографическую науку. Важно добавить, что книга Л. С. Толстой открывает новые исследовательские перспективы, весьма многообещающие для разработки этногенетических и этнокультурных проблем Евразии. В частности, большое значение имели бы реконструкция истории формирования и развития Арало-Каспийского историко-культурного региона, дальнейшая разработка проблем Приаральского этногенетического узла с древности до позднего средневековья. Многие выводы и заключения Л. С. Толстой позволяют по-новому взглянуть на субстратную роль индоевропейских (индоиранских) племен в этнокультурных процессах в Поволжье, на Южном Урале и в Западной Сибири.

Р. Г. Кузев

В. Н. Увачан. Годы, равные векам. М.: Мысль, 1984, 357 с.

Советскому Северу и удивительной судьбе населяющих его народов посвящена обширная литература. Интерес к проблемам Севера вполне закономерен: за последние десятилетия казавшиеся бросовыми тундровые и лесотундровые районы стали основной кладовой ценнейших полезных ископаемых, а отсталые в прошлом народы Севера заняли достойное место в братской семье народов СССР.

Автор рецензируемой книги — доктор исторических наук, профессор, эвенк по национальности В. Н. Увачан. Основными источниками работы послужили документальные материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, мест-

ных архивов, партийные решения и постановления. В. Н. Увачан использовал также этнографические данные, имеющиеся историко-этнографическую литературу и свой богатый опыт партийной и государственной деятельности непосредственного участника строительства социализма на Севере.

По существу книга делится на две части. В первых трех главах рассматриваются особенности исторического развития народов Севера в составе Российского государства; установление советской власти; мероприятия партийных и советских органов по осуществлению ленинской национальной политики, построению основ социализма. В последующих трех — Великая Отечественная война и советский Север; общественно-политическое развитие; этнические процессы и становление современной социально-классовой структуры в этом регионе: жизнь народов Севера в условиях развитого социализма.

Самостоятельную ценность представляет собой Приложение. В нем приводятся важнейшие решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР о народах Севера, перечень районов Крайнего Севера РСФСР, списки депутатов Совета Национальностей Верховного Совета СССР от автономных округов Севера первого — одиннадцатого созывов, административное деление автономных округов Севера, а также Закон РСФСР об автономных округах РСФСР (Извлечения) (с. 320).

Хотя вопросы, затронутые в первых, вводных главах, не являются предметом специального исследования автора, они представляют значительный интерес для этнографов-сибиреведов. Таково, например, выдвинутое в первой главе положение о том, что после включения Северной Сибири в состав Российского государства судьбы коренного населения оказались связанными с историей русского народа и начался процесс культурно-этнического взаимовлияния последнего и коренных народов Севера. Справедливо отмечен примитивизм общественных отношений у народов Севера, несмотря на то, что к XX в. родовые связи у них сменялись соседско-территориальными. Заслуживают внимания данные об изменениях в условиях капиталистического производства традиционных северных хозяйственно-культурных типов и преобразованиях в присваивающем хозяйстве населения, а также в формах эксплуатации, прикрывавшихся родовой взаимопомощью и т. д.

Обстоятельно рассмотрены установление Советской власти не только в целом на Севере, но и в Туруханском крае, Енисейской и Томской губерниях, на Дальнем Востоке, участие представителей коренного населения Севера в борьбе с колчаковщиной.

Особый подраздел в первой части книги посвящен большой теме: «В. И. Ленин и Север: идеи и осуществление». Автору в свое время удалось обнаружить и впервые опубликовать ряд ленинских документов, относящихся к вопросам освоения Севера и оказания помощи коренному населению.

Значительный материал В. Н. Увачан приводит о деятельности Наркомнаца, Комитета содействия народам северных окраин (Комитет Севера), местных советских и партийных органов по осуществлению ленинской национальной политики среди народов Севера, по советскому национально-государственному строительству, переводу отсталого промыслового хозяйства на социалистический путь. Особый интерес представляют данные о культурном строительстве — создании школ, ликвидации неграмотности, разработке письменности на родных языках народов Севера и участии в этой работе молодых языковедов, этнографов, а также студентов Института народов Севера, в том числе и из коренных народов. В книге сообщены новые материалы по истории создания и развития окружных партийных организаций, о вовлечении в их ряды трудовых масс народов Севера. В главе «Великая Отечественная война и Советский Север» автор на основе малоизвестных источников впервые детально осветил патристический подъем, трудовые и воинские подвиги северян. Значительную помощь бойцам Карельского фронта оказали саамы, доставлявшие на оленях к местам сражений оружие, боеприпасы и продовольствие. Лучшие снайперы из числа народов Севера были удостоены звания Героя Советского Союза.

Особую главу В. Н. Увачан посвятил послевоенному развитию Севера, уделив основное внимание общественно-политическим и социально-экономическим преобразованиям. Автор не только остановился на достижениях, но и охарактеризовал трудности и ошибки в руководстве хозяйственным строительством.

Этническое развитие коренных обитателей Севера В. Н. Увачан рассмотрел на примере Эвенкийского автономного округа. О всестороннем сближении народов Севера с окружающим русским населением убедительно свидетельствуют приведенные в книге данные о распространении у них национально-русского двуязычия и сложении такой же социально-классовой структуры, как и у других наций и народностей СССР. С этим автор справедливо связывает рост числа межнациональных браков у народов Севера. Приведенные в книге данные по Эвенкийскому автономному округу показывают, что в 1980-х годах они составили около 13% от всех браков. Заслуживает внимания тот факт, что межнациональные семьи нередко даже более устойчивы, чем однонациональные (с. 272).

В заключительной главе «Развитой социализм и народы Севера» северный регион рассматривается в составе единого народохозяйственного комплекса страны. Ускоренная индустриализация меняет лицо Севера. Это побудило автора высказать ряд предложений общего характера: для ускоренного и интенсивного сельскохозяйственного освоения районов Севера, по мнению В. Н. Увачана, необходимо прежде всего развивать его традиционные отрасли: оленеводство, охотничье хозяйство, рыболовство и морской зверобойный промысел, так как они являются исконным занятием коренных жителей Севера (с. 212). Большое внимание уделено также проблемам развития культуры народов Севера. Приобщение к культурным достижениям братских народов

СССР, в особенности русского, как показал автор, позволило им перестроить свой культурно-бытовой уклад, воспринять советский образ жизни, сохранив лучшие традиции и обычаи.

В разделе «Два мира, две судьбы» (вместо заключения) В. Н. Увачан останавливается на глубоких различиях в экономическом и социальном положении народностей зарубежного и Советского Севера, отвергая утверждения западных советологов, искажающих советскую национальную политику на Севере.

Положительно оценивая книгу «Годы, равные векам», нельзя не отметить, что в ней недостаточно освещены сложные вопросы развития народов Севера, социально-экономические проблемы, связанные с дальнейшим преобразованием такой специфической северной отрасли хозяйства как оленеводство и оптимальным сочетанием промыслового хозяйства и индустриального освоения Севера. Впрочем, эта тематика заслуживает самостоятельного исследования.

В целом книга «Годы, равные векам» — значительный вклад в североведение. Ее можно рекомендовать не только специалистам-историкам и этнографам, но и всем, интересующимся проблемами Севера.

И. С. Гурвич

В. М. Кулемзин. Человек и природа в верованиях хантов. Томск. Изд-во Томского ун-та, 1984. 191 с.

Угорский сибирский регион представляет собой обширную территорию Западной Сибири, на которой отдельными группами расселены ханты и манси. Каждая из этнографических групп, проживая относительно длительное время в одном и том же районе, выработала собственные диалекты, наречия и говоры, что обусловило диалектную раздробленность языков и трудности создания единой, в частности, хантыйской письменности. Соответственно хантыйские территориальные группы, каждая в отдельности, обладают относительной самостоятельностью развития, своей этнической историей и межэтническими связями. Несмотря на широкие лингвистические и этноисторические исследования хантов, собственно этнографических данных по культуре отдельных групп все еще мало для проведения более полного сравнительно-исторического анализа¹. Понятно, с каким нетерпением этнографы ожидают выхода в свет любого издания по хантам.

Проблемная лаборатория истории, археологии и этнографии Западной Сибири Томского государственного университета уже давно проводит этнографические исследования в районах расселения хантов. Работы сотрудника лаборатории В. М. Кулемзина всегда привлекают новизной материалов, стремлением объективно показать существующие обычаи, старые представления о мире, а также осторожным подходом к их интерпретации. Новая монография этого автора подводит своего рода итог многолетним изысканиям в области духовной культуры хантов.

Книга состоит из Введения, восьми разделов, Заключения, списка литературы и списка информаторов. Последний отражает так сказать «временную глубину» информации: около двадцати хантов, с которыми работал В. М. Кулемзин, родились до начала социалистических преобразований на территории Ханты-Мансийского автономного округа.

Шесть разделов призваны изложить представления о жизненных силах, сверхъестественных существах, живых и неживых предметах, болезнях, смерти и погребальном обряде, а также об окружающем мире, два — посвящены промысловым культам и жизненному пути человека. Уже при простом перечислении разделов читателю становится ясно, что их содержание должно пересекаться. Однако интерес исследователя сосредоточен не столько на изложении и сравнительно-историческом анализе верований различных территориальных групп хантов, сколько на теоретическом подходе к интерпретации материала. Поэтому некоторые разделы книги представляют собой в большой степени разбор точек зрения известных религиоведов по поводу вопроса, сформулированного в заглавии, чем анализ собственно хантыйских данных. И тем не менее автор вводит в научный оборот много неизвестных ранее материалов, являющихся весомым вкладом в общее сибиреведение. В частности, наряду с новыми многочисленными сведениями, полученными В. М. Кулемзиным во время работы у хантов, впервые привлекаются полевые записи известного советского угроведа В. Н. Чернецова, архив которого в 1979—1980-х годах поступил в Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета².

Во Введении В. М. Кулемзин определяет свою позицию в подходе к материалу и задаче работы. Принимая в качестве исходного положение о том, что все рассматриваемые верования, включая и относящиеся «к древнейшей, доанимистической эпохе», религиозны (с. 7), автор стремится показать религиозные представления хантов о человеке, окружающем мире и об отношении человека к этому миру, дифференцировать

¹ Исключение составляет недавно изданная работа Н. В. Лукиной «Формирование материальной культуры хантов» (Томск, 1985), где проводится сравнительно-исторический анализ средств передвижения, одежды и утвари восточных хантов.

² Об архиве см.: *Лукина Н. В., Рындина О. М.* Этнографический архив В. Н. Чернецова (К 80-летию со дня рождения ученого). — Сов. этнография, 1985, № 5, с. 70—74.